

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РОСТОВЩИЧЕСТВА И ПРОЦЕНТА

ДУБЯНСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

*доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории экономики и экономической мысли
Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: assign@inbox.ru*

В статье рассматривается проблема ростовщичества и процента в христианском учении и традиционных культурах. Одной из причин христианского осуждения процента, возникающего из долговых отношений, автор видит в смешении понятий долга и греха. Кроме того, в данной работе анализируются вопросы устойчивости долговых отношений в обществе.

Ключевые слова: долг; деньги; дар; грех; ростовщичество; ссудный процент; кредитор.

The author examines the problem of usury and percentage in the Christian study and the traditional cultures. One of the reasons for the Christian censure of percentage, which appears from the debt relations, the author sees the mixing of the concepts of debt and sin. Furthermore, in this work the author analyzes questions of the stability of debt relations in the society.

Keywords: debt; money; gift; sin; usury; loan percentage; creditor.

Коды классификатора JEL: E40, E43, G21.

На современном этапе становления товарно-денежных отношений в России неожиданно остро встал вопрос о ростовщичестве и проценте как экономических категорий. Кажется, что ростовщичество и ростовщичество как экономическое явление кануло в лету. Однако на самом деле в современной России ростовщичество процветает. Современные ростовщичество одалживают деньги по фантастическим ставкам от 100% до 600% и более в годовом исчислении. Если раньше официально разрешенное ростовщичество группировалось в основном в ломбардах, то с января 2011 г. появились новые организационные формы ростовщической направленности, а именно микрофинансовые организации (МФО). Эти организации представляют собой юридические лица, имеющие право выдавать займы до 1 млн. рублей, причем в эту сумму входят и все уплаченные по займу проценты.

Очевидно, что необходимо бороться с этим явлением в первую очередь на государственном уровне и некоторые попытки в этом направлении уже делаются¹. Впрочем, в данной статье речь пойдет о причинах живучести ростовщичества, долговых отношений и процента в современной цивилизации.

В прошлом оценка роли процента исходила как из морально-

¹ В Госдуму внесен законопроект, по которому будет ограничена полная стоимость кредитов, выдаваемых банками или микрофинансовыми организациями физическим лицам, сообщает "Интерфакс". Документ внес глава Ассоциации региональных банков Анатолий Аксаков.

этических принципов, формируемых определенными религиозными доктринами, так и основывалась на экономической роли процента в хозяйстве традиционного общества. Подобное противостояние принципов морали и справедливости, с одной стороны, и хозяйственной целесообразности, с другой, характерно для всей истории развития экономической науки вплоть до современных исследований. Однако особенно выпукло это противопоставление проявляется в развитии теории процента.

Анализ категории процента, пожалуй, как никакой иной экономической категории, представляет собой широкое поле для исследований на тему возможного сосуществования принципов социальной справедливости и экономической целесообразности. В современной экономической теории преобладает принцип хозяйственной целесообразности. Однако хотелось бы исправить отчасти этот перекос в исследовании категории процента, остановившись в большей степени на принципах социальной справедливости. Обратимся для этого к религиозно-историческим аспектам происхождения процента как экономической категории.

Нужно отметить, что негативное отношение к проценту в христианстве обусловлено той исторической обстановкой в которой происходило формирование этой религии. Времена, предшествующие падению Римской империи и последующие за ними годы, были очень тяжелыми для населения. Экономика деградировала, резко упал уровень жизни населения, что создавало питательную среду для формирования резко отрицательного отношения к проценту. Такому отношению содействовал также сам дух христианского учения, основанный на отношениях общинности, семейственности. Христианская религия проповедовала в качестве добродетели снисходительность и сострадание и к тому же церковь учила своих последователей пренебрегать земными благами. Естественно, что стремление наживаться на нужде соплеменников, эксплуатация малоимущих, однозначно осуждались христианами.

В Священном Писании как Ветхого, так Нового Завета можно найти многочисленные заповеди, осуждающие ростовщичество. В качестве примера можно привести некоторые ветхозаветные установления, касающиеся займа и сопутствующего ему процента. «Если дашь займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (*Исх. 22:25*). Другой близкий по смыслу отрывок гласит, что: «Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришелец ли он или поселенец, чтоб он жил с тобою; не бери от него роста и прибыли и бойся Бога твоего; чтоб жил брат твой с тобою; серебра не отдавай ему в рост...». (*Лев. 25: 36-37*).

В раннем христианстве ростовщичество, однозначно осуждалось и клеймилось позором. Наиболее известный отрывок на эту тему из Евангелие св. Луки «И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за это благодарность?» (*Лк 6, 34*). Так у

Иоанна Златоуста можно найти следующие высказывания осуждающие ростовщичество: «Лихоимство бывает ли необходимости? Нет! Какая нужда, какая сила, скажи понуждает грабить? <...> если ты хочешь разбогатеть, то не лихоимствуй <...> приобретай [богатство] честное, – если только таковое бывает... богат тот, кто пользуется собственным ... (Иоанн Златоуст 1905, 21).

В «Декрете» выдающегося канонического юриста и болонского монаха Грациана ростовщичество приравнивалось к грабежу, и было недопустимым как для священников, так и для мирян. Запрещалось принимать в пользу церкви пожертвования от ростовщиков, т.к. деньги их были несправедливо накопленными. Ростовщикам отказывали в причастии и христианском погребении (Стецюра 2010, 231).

Богословы раннего средневековья и католическая церковь, следуя установлениям Священного Писания, однозначно определяли ростовщичество как грех и всячески осуждали его. Под ростовщичеством понимался довольно широкий состав деяний - любое предоставление денег или продуктов в долг ради получения прибыли. Все, что кредитор требует от должника сверх первоначальной суммы – постыдная прибыль, которую лихоимец обязан вернуть (Стецюра 2010, 231).

Наиболее веские аргументы против ростовщичества приводились в «Декрете» Грациана, на котором в XII в. основывалось средневековое каноническое право. В кодексе канонического права под ростовщичеством понимались все требования в обмен на заём сверх самого ссужаемого имущества². Считалась греховной и осуждалась даже сама мысль получить обратно что-либо сверх ссужаемого имущества. Основными следствиями, вытекающими из доктрины канонического права, были следующие:

1. Ростовщичество порождается грехом алчности;
2. Ростовщичество представляет собой кражу времени, прошедшего между ссудой и ее возвращением, т.е. продажу того, что даровано Богом всем людям в равной (Ле Гофф 2010, 85) степени.
3. Ростовщичество является грехом против справедливости. Эту мысль подробно развивал Фома Аквинский. (Фома Аквинский)

Несколько позже в XIII веке появилось еще одно направление, по которому шло осуждение ростовщичества. Эта линия основывалась на противоестественности ростовщичества в буквальном смысле слова. Эту мысль средневековые ученые-схоласты заимствовали у Аристотеля. Фома Аквинский, повторяя высказывание древнегреческого философа, утверждал, что «деньги не рождают деньги». Аристотель, считал, что деньги созданы для меновой

² Под каноническим правом понимается совокупность решений католических церковных соборов и постановлений римских пап. Нормы канонического права регулировали в основном вопросы внутрицерковной организации, некоторые семейные отношения и имущественные отношения.

торговли и, следовательно, главной функцией денег, если выразиться современным экономическим языком, была функция денег как средство обращения. Древнегреческий философ считал, что ростовщичество «... делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег» (*Аристотель 395*). Следовательно, ростовщичество является грехом против самой природы, являющейся твореньем Господа (*Расков 2009*).

Одни из видных представителей австрийской школы О. Бём-Баверк отмечал, что канонисты, т.е. ученые – богословы, на трудах которых строилось здание канонического права, внесли большой вклад в осуждение процента как социально-экономической категории. Канонист Молиней упоминает в своей работе изданной в 1546 г. о некоем авторе, который собрал 25 аргументов осуждающих процент. По мнению О. Бём-Баверка, большинство из этих аргументов не заслуживало особого внимания. В свою очередь, он сгруппировал все сформулированные канонистами аргументы в четыре фундаментальных довода направленных против процента (*Бём-Баверк 2009, 282-284*). В какой-то мере они повторяют уже перечисленные возражения против процента, но в более подробном изложении будут рассмотрены три довода из четырех, т.к. первый из них, относящийся к противостественности процента был уже приведен ранее.

Фома Аквинский отмечал, что деньги, как и некоторые другие блага, отдаваемые в ссуду, как бы сейчас сказали бы экономисты, полностью амортизируются при их использовании, т.е. потребляются без остатка. Богослов утверждал, что существует ряд благ, употребление которых состоит в их непосредственном потреблении. К таковым благам он относил, в частности хлеб, вино и в целом пищу. Эти блага отличаются тем, что потребление этих вещей неотделимо от самой вещи. Следовательно, если мы хотим уступить кому-то это потребление, то должны уступить и саму вещь. При уступке вещей с указанными свойствами кому-то в ссуду, уступается всегда и распоряжение ими. Поэтому, по мнению Ф. Аквинского, было бы несправедливо, если кто-либо хотел продать вино и отдельно продать употребление вина. Получалось бы, что одна вещь была бы продана дважды. Поэтому отдавать такие вещи в ссуду за вознаграждение было бы несправедливым деянием. В данном случае у вещи было бы две цены, а именно одна цена представляла бы собой компенсацию путем возвращения равной вещи, а другая - цену за употребление, иначе говоря, процент.

Использование денег предполагает их потребление в качестве средства обращения, как основной функции денег. Деньги сами по себе, именно как монеты, банкноты, никому кроме коллекционеров-

нумизматов и бонистов не нужны так же и как вино. Поэтому, по мнению средневекового схоласта, было бы несправедливо требовать вознаграждение за употребление денег. «По смыслу этой аргументации процент является вознаграждением, выманенным или истребованным за вещь, в действительности совершенно не существующую, за само себе «употребление» потребляемых благ» (*Бём-Баверк 2009, 283*).

Второй довод против процента включал в себя следующие аргументы. Согласно им, отданная в ссуду вещь переходит в собственность должника. В этом случае, получается, что кредитор требует вознаграждение в виде процента, за использование уже не принадлежащей ему вещи. Получается, что заимодавец не может извлечь дохода без нарушения принципа справедливости, т.к. пользуется чужой вещью, присваивая процент, получаемый от должника. Данное деяние квалифицировалось противниками процента не иначе как кража чужого имущества.

Третий довод против процента сводился к тому, что ростовщики берут плату за всеобщее, т.е. принадлежащее всем людям благо, а именно за время. Считается, что автором этого тезиса против ростовщичества был Фома Аквинский. Ростовщики, получая обратно с должника сумму, превышающую первоначально данную в долг, оправдываются тем, что за период между выдачей ссуды и ее погашением прошло определенное время, которое требуется компенсировать. Именно время рассматривается как основная услуга ростовщиков, т.е. чем на больший срок предоставляется ссуда, тем выше ставка процента и соответственно эта ставка ниже, если короче этот временной период. Однако, время является всеобщим благом, поэтому кощунственно и несправедливо требовать плату за то, что тебе не принадлежит.

Известный французский историк-медиевист Жак Ле Гофф приводит выдержку из работы анонимного автора XIII века ярко иллюстрирующую отношение к ростовщикам в средневековом обществе. «Ростовщики грешат против природы, желая, чтобы деньги порождали деньги, как лошадь порождает лошадь и мул мула³. К тому же ростовщики – воры, так как продают время, которое им не принадлежит, а продавать чужое добро вопреки желанию владельца – это кража. Кроме того, поскольку они не продают ничего другого, кроме ожидания денег, то есть времени, они продают дни и ночи. Но день – это время света, а ночь – время отдыха. Значит, они торгуют светом и отдыхом. Поэтому несправедливо, чтобы они получили вечный свет и отдохновение». (*Ле Гофф 2010, 87*) Вывод, который делает автор довольно оригинальный, но в духе своего времени,

³ Справедливости ради, стоит отметить, что мул это животное, появившееся в результате скрещивания осла и кобылы. Самцы мулы, как и подавляющее большинство самок бесплодны, а значит и потомства приносить не могут. В этом средневековый автор заблуждался.

сейчас бы так не сказали, люди стали прагматичнее.

В средневековье некоторые профессии считались схожими с ростовщичеством, с точки зрения сущности их деятельности. Например, к ростовщикам в средние века приравнивали и преподавателей – богословов, которые вне монастырских или соборных стен, т.е. вне учебных заведений, обучали студентов за плату (*collecta*). Святой Бернард клеймил их позором как «продавцов слов и торговцев таковыми», поскольку они продают знание, которое, как и время, принадлежит только Богу, а значит и всем людям и поэтому грехом является требование за это платы, как за то, что не принадлежит тебе (*Le Goff 2010, 87*). Следуя этой логике, репетиторство также представляет собой греховную деятельность. Правда, в дальнейшем тезис святого Бернарда не получил развития и преподавателей не клеймили позором в равной степени с ростовщиками.

Любопытно, но в Новом завете можно найти и тексты, одобряющие денежное предпринимательство. Например, известная притча о талантах (*Матф, 25: 27*) всем известна своей сентенцией о том, что нельзя зарывать талант в землю. Правда, в тексте буквально речь идет о денежных единицах – талантах⁴, а не таланте как врожденных способностях человека, его потенциале. В этой притче некий господин дал своим трем рабам соответственно пять, два и один талант, а затем потребовал от них отчета о том, как они использовали эти деньги. Одобрения хозяина вызвали действия рабов приумножившие первоначальные средства. Осуждался в этой притче только тот раб, который для сохранения талантов закопал их в землю. «Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! Ты знал, что я жну, где не сеял, я собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью...» (*Матф, 25, 26-27*).

В приведенном отрывке заслуживает внимания символическая апологетика ростовщичества «я жну, где не сеял, я собираю, где не рассыпал», что лишний раз показывает, что в библейских писаниях можно без труда отыскать взаимоисключающие высказывания по любым вопросам, в том числе и относительно ростовщичества. Это свидетельствует о том, что в обществе древних иудеев еще окончательно не сформировалось однозначно негативное отношение к ростовщичеству. Однако в целом в священном писании содержится значительно больше высказываний осуждающих ростовщичество как социальное явление.

⁴ В Древнем Вавилоне так называлась самая крупная мера веса. По современным меркам она включала в себя 30,3 килограмма. Из Вавилона через Финикию эта весовая единица попала в Древнюю Грецию, где ее стали называть "талантон", что означало "вес, весы". В эпоху металлических весовых денег, талантом называли самый тяжелый из них. С течением времени мера веса, обозначаемая греческим талантом, заметно менялась. Наиболее распространенным был малый аттический талант, в котором содержалось 26,2 килограмма серебра.

Чем можно объяснить такое непримиримое осуждение ростовщичества? Вряд ли это негативное отношение может быть объяснено исходя из рациональных мотивов человеческого поведения. Представляется, что проблема заключается в том, что процент всегда сопровождается возникновением долговых отношений между ростовщиком и заемщиком. Дело в том, что в арамейском или древнесемитском языке, т.е. языке на котором была написана Библия, слова грех и долг обозначались одним и тем же словом. Эта двойственность значений слова долг, кстати, отражается в переводах священных текстов, в частности молитвы «Отче наш». В одних переводах строка «...и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» переводится с использованием слова долг. В других вариантах перевода применялось слово *грех* вместо *долга* и от этого несколько изменяются смысловые акценты «и прости нам прегрешения наши, как и мы прощаем тех, кто согрешил против нас».

В русской традиции в переводе молитвы «Отче наш» используется слово *долг* «...и оставив нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим». Однако в синодальном переводе Евангелие от Луки (11, 4) возникает уже упомянутая двойственность, так как используется в одном случае слово грех, а в другом долг: «И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему». Получается, что сначала речь идет о грехах, а затем о долгах.

Вот это смешение долга и греха приводит к тому, что долг перед ростовщиком приравнивается, по сути, к Первородному греху. Основная идея христианского учения, если ее изложить утрированно (приношу извинения за ее слишком вольное изложение), сводится к тому, что Бог даровал человеку жизнь, и за это человек должен был быть благодарным создателю и, естественно, послушным Ему. Однако библейские прародители человечества проявляют известное непослушание и неблагодарность, что приводит к тому, что все потомки Адама и Евы становятся вечными должниками перед создавшим их Творцом. Вечным этот долг становится потому, что он слишком велик и в силу этого является неоплатным.

Таким образом, в христианстве возникает сюжет первородного греха, который переходил на всех потомков Адама и Евы, т.е. на все человечество. Это, кстати, еще одно свойство долга (греха), он после и смерти, не иступляется, после смерти того, кто его совершил или на ком он лежал. После смерти должника его долгу переходит к его наследникам. Грех должен искупиться - здесь мы видим долговую лексику, которая пронизывает все христианское учение. В Древнем, дохристианском мире человеческие жертвоприношения и особенно детские жертвоприношения были достаточно распространенным явлением во искупление грехов. В Библии наиболее известный сюжет на эту тему связан с Авраамом и его сыном Исааком. Часто вместо людских жертв приносились замещающие их жертвы: животные,

имущество и др. Всем известная идиома «козел отпущения» ведет свое происхождение как раз из этих традиций. Чаще всего именно на это животное переводились человеческие грехи (долги), которое затем приносилось в жертву.

Первородный грех, как известно, искупил за всех людей Иисус Христос, распятый на кресте. (*Этвуд 2010, 66-68*) Он тем самым взял на себя грехи людей и выступил в качестве искупительной жертвы, в частности, и для того, чтобы прекратить людские жертвы в искупление человеческих грехов. Если учесть уже упоминавшееся семантическое единство слов «долг» и «грех», то получается, что ростовщик претендует в какой-то мере на роль Бога по отношению к должникам, т.к. налагает на них долг, который они должны отдать во что бы то ни стало. С помощью долга кредитор «привязывает» к себе должника и тот должен приносить ему в «жертву» периодические подношения или, иначе говоря, пожертвования в виде процентных платежей. Очевидна несопоставимость этих, если можно так выразиться, долгов, тем более, задолженность перед ростовщиком не может и не должна быть грехом, предполагающим какие-либо санкции, будь то религиозные или светские. Однако в действительности долг перед ростовщиком является обязательным, и невыплата долга предполагает применение к неплательщику серьезных санкций, в первую очередь со стороны государства. История знает много различных видов наказаний за невыплату долга, начиная от долгового рабства и заканчивая заключением в долговую тюрьму⁵.

Если попытаться ответить на вопрос почему все-таки должники отдают долги своим кредиторам, несмотря на все перипетии? Ведь осуждение ростовщичества было всегда и практически во всех культурах. Ответ, представляется, нужно искать в древней истории человечества. Очевидно, что единство греха и долга в своей первооснове архаично и восходит к дохристианским обычаям. В основе этих обычаев лежит экономика дарообмена. Этой экономике посвящено достаточно большое количество работ как экономистов, так и антропологов и социологов (*Грегори 2004, 383-393*). Выделяются работы следующих ученых Б. Малиновского (*Malinowski 1922*), К. Поляни (*Polanyi 1944*), М. Мосса (*Mauss 1974*), К. Леви-Стросса (*Levi-Stross 1949*), внёсших большой вклад в развитие теории дарообмена. Интересен в этой связи анализ М. Мосса. Этот ученый исходил в рассмотрении этой проблемы из того, что в первобытнообщинном строе продукт являлся результатом неотчужденного труда, что создавало неразрывную связь между производителем и его товаром. Он доказывал, что у людей того времени «отдать что-то – значит отдать

⁵ Иногда такие попытки со стороны государства принимают экзотические формы. Так Министерство финансов РФ внесло в ГД РФ законопроект, согласно которому должники должны будут уплачивать дополнительный НДФЛ в размере 13%.

часть самого себя» (*Mauss 1974*). В этом случае дары становятся олицетворением духа дарителя и, следовательно, получатель дара вынужден ответить дарителю ответным даром. «Отдариться» нужно было в обязательном порядке, т.к. в такой системе ценностей неоплаченный дар повергал неблагодарного в потустороннем мире в рабство перед дарителем. В капиталистическом обществе связь между работником и товаром давно утрачена, она была разорвана в эпоху первоначального накопления капитала, когда работники были отделены от средств производства, однако во многих культурах эти представления бытуют до сих пор. Можно предположить, что во многих первобытных культурах долг был синонимом греха, особенно невозвращенный долг. Очевидно, в арамейском языке синоним долга и греха возник в хозяйственной системе, основанной на принципах дарообмена.

В этом случае любопытен еще один аспект долговой проблемы. Получение ссуды происходило на добровольной основе (это очень важно), т.к. обе стороны и кредитор и должник получали от нее взаимную выгоду. Кредитор, основываясь на традициях дарообменной экономики был уверен в возврате долга. После получения денег или другого имущества в ссуду должник мог чувствовать себя потерпевшей стороной т.к. попадал в долговую зависимость. «Он должен был уплачивать своеобразный «налог» человеку, который, согласно традиционным представлениям не вправе его получать» (*Хикс 2006, 101*). Дж. Хикс отмечал, что уплата процента, в силу его несправедливости, сильнее всего угнетала должника при возврате долга.

Это могло бы служить дополнительным доводом в осуждении ростовщичества, которые были предложены средневековыми богословами. Напрямую вопрос о совпадении греха и долга в священных текстах не ставится, но для древних иудеев и первохристиан это, вероятно, и не было проблемой. В сакральном отождествлении смыслов греха и долга, на наш взгляд, может скрываться причина осуждения ростовщичества и процента, которое можно обнаружить в христианстве и других религиях, имеющих общие с ним корни.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель* (1983). Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль. 395.
- Бём-Баверк О.* (2009). Капитал и процент. Т.1 / Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо. 282-284.
- Грегори К.А.* (2004). Дары. / Экономическая теория/ Под. ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ./ Науч. ред. чл.-корр. РАН В. С. Автономов. М.: ИНФРА-М. 383-393.
- Иоанн Златоуст* Беседы на послание к Ефесеянам. II.4 / Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе : СПб., 1905. Т. XI в 2 кн.

Кн. 1. 21.

Расков Д.Е. (2009). Процент в хозяйственной этике и практике староверов // *Проблемы современной экономики*. № 1. 462-467.

Стецюра Т.Д. (2010). Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М.: РОССПЭН. 231.

Фома Аквинский (2010). Сумма теологии. Па – Пс, вопрос LXXVII, раздел 1, ответ на возражение 2. Цит. по: Стецюра Т.Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М.: РОССПЭН.

Хикс Дж. (2006). Теория экономической теории. М.: НИ «Журнал Вопросы экономики». 101.

Этвуд М. (2010). История долгов наших: Долги и темная сторона богатства. М.: Текст. 66-68.

Bibliothèque Nationale de Paris. Ms latin 13472, f. 3vb. Цит. по: *Ле Гофф, Ж.* (2010). Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ. 87.

Levi-Stross, C. (1949). *The Elementary Structures of Kinship*. London: Eyre and Spottiswood. 1969.

Malinowski, B. (1922). *Argonauts of the Western Pacific*. New York: E.P. Button. 1961.

Mauss, M. (1974). *The Gift*. London: Routledge and Kegan Paul. 10. Цит. по Грегори К.А. Дары. /Экономическая теория/ Под. ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ./ Науч. ред. чл.-корр. РАНВ. С. Автономов. М.: ИНФРА-М. 2004. 386.

Polanyi, K. (1944). *The Great Transformation*. New York: Rinehart.